Александр ПЕТРУШКИН

Автор: Жюри
05.03.2013 11:41



Поэт, редактор литературного портала МЕГАЛИТ (Россия).

Александр Петрушкин родился в 1972 году в Челябинске. Инициатор издания журнала актуальной уральской литературы “Транзит-Урал”; издатель книжных серий “24 страницы современной классики”, “V — Новая поэзия”, “Антология РЕАльной Литературы”; организатор конкурса молодых литераторов “Стилисты Добра”, фестиваля литературы Урала и Сибири “Новый транзит”; куратор поэтического семинара “Северная зона”. Живет в Кыштыме.

□□□□□ *В Касли из Кыштыма — дымом…*

** * **

конечная станция новый год Гомер Илиада
законы Дао отменены наличьем Урала
новый почти человек состоит из снега в снегу
— поговори со мной — говорю ему
конечная станция нежный кастет в кармане
тонкие кости ветра из пустопорожней вербы
отсутствие времени и темноты тебя не обманет
— не
поговоришь со мной? —
бог говорит мне

** * **

Шло рождество и мы куда-то шли,
И как Нечай сказал — ништяк сказал он, кстати,
Что не фиг говорить, что ходишь ты,
Когда молчишь — то говоришь некстати.
Шло рождество, по следу шла звезда
Не та звезда, не с тем и за другими…
Нечай был прав. Пил спирт из горла и орал:
Звезда взошла. Опять взошла. На тёмно-синем
Нам воссияла. Где пещера? Где?
Мы шли за ним, и габаритными огнями
Заблудшие такси (поскольку рождество)
Мигали нам. Поскольку Рождество —
Мы за Нечаем шли. И ангел с нами.

Перекур в тамбуре

деревянное пиво в купейном вагоне волчары на местном базарят
не по-детски балканят — на сербов надежда они не обманут
[деревянное пиво в бумажных зубах остывает

за окном — не погода а что непременно сбегает]
всё свинцовей пейзаж всё хвалёней нелепое братство
всех окопных шакалов нелепое тёмное блядство
[достают рукава небеса достают скоро вынут
всех искусственных нас до сюда/суда не допустят на выдох]
не допустят не сплюнут закажут (нам) (слу)-жить по приказу
деревянное пиво и пить бессловесно заразу
[пеленая младенцев нажитых елдой с гепатитом
панихиду отслужит другой кто упущен из вида]
он с бубновым тузом спит валетом у воздуха кромки
всех знамён змееносец — слепой или зрением тонкий
[деревянное пиво всё точное по парадигме
два хвоста тёмный поезд и значит отсюда не выйдем]

Из-под воды

ложки нет говорю тебе ивкин ложки нет
и ложь отражение правды
писать идеологически выдержанные стихи
то же что рисовать кисточкой по воде
нижнекыштымского пруда. ахнем?
какая тебе в общем-то разница
что там за плечом о тебе спорят бог в драповом пальто
чёрт в купальнике ложки нет говорю тебе ивкин ложки нет
спим нагишом под небом не совсем нагишом валенки
на руках на ногах снегоступы под спиной свинцовая земля
и небо маленьким
кажется отсюда ивкин ложись со мною рядом ивкин
нет системы полежим поспим во сне вскрикнем
будем наблюдать своё одиночество стряпанное из людского теста
наскребём по сусекам ивкиных и петрушкиных
для внесистемного текста.
будем хлебать щи-борщ с перебором истины а не правды
тело твоё лежащее здесь
кажется небу маленьким

**** * ****

Представляешь, иногда я думаю, что уже приехал! —
Пальцами придаю контуры табуретке, временам года, гаду,
Что спит в подъезде в обнимку со шприцем или подругой
Запоздалой молодости, жую конфетки — как Виктор Робертович —
Предлагая своей подруге, читаю Джойса — чтобы занять чем-то тело
Своё, подыхаю со скуки. И нет ни одного, ни козла, ни суки,
Чтобы дёрнуть небо за хвост, выплюнуть звуки,

Обрести молчание — то есть перестать быть гонимым
Впервые за две тысячи лет с тех пор, как покинул
Мёртвые берега абсолютно лёгкого моря.
Делаю вид, что наконец что-то понял.
Скажем голос другого или — ни черта
(то есть — чертей собрав за собой) не понял.
Трамваи. Перегоны. Я себя отклонировал бы —
И спал бы в любой понедельник — но для такой забавы нужен соперник
Или хотя бы Моцарт, или глухота, слепота, слой дёрна
Отвернуть горлышко у бутылки или у самого корня.
Представляешь, я помню, что уже когда-то приехал.
Прости и знай, ты не узнаешь меня по кругу,

Света, Маняша, Аглаша, тёмный образ в конце времени года,
Любого. Легко пальцами придаю твой образ любой табуретке.
Такая, блин, странная здесь в Чилябонске погода!

** * **

Такой, блин, Мандельштам, родные дуры,
дрянные пули, тараканий виски,
коньяк межбочковой и дойчен-курвы,
краплёная квартира и ириски.
Такая неистория, такая,
ты не поймёшь ни чёрточки, ни брови —
не отрицай меня, когда у края
меня никто, и ты, не остановит.
Такой сегодня снег, твоя-моя кривая,
татарский мальчик, россказни Казани,
касательная речи или лая,

и балалайки с домрой на казане.
Такая встреча без купюр и смысла,
как дождь без кожи и царапин с дрожью —
чирикнет облако, когда вода провисла,
и Мандельштам летит по бездорожью.

** * **

Пытаясь шансы свои уравнять с з/к,
учусь новым позам собственного языка —
это не повод чтоб говорить — тем более петь —
нужно только стоять и как ангел подбитый — смотреть! —
пролетает почвы и воды, что детство бабки твоей, мессершмидт.
Атомарна не-связь — потому что ты будешь убит

из пластмассовых дул и прочих дур на войне —
продолжает лепить на гальке этих песочных детей-не-
детей (в общем — …олемов, потому что Г не положили к десне —
и теперь флюс грозит зубною болью). По такой тишине —
я в последнее время не то что скучал, но рад
наступлению этим фронтом — построив парад

из своих скучнейших стихов, мифологию создаю —
я не столько пользуюсь шансом, сколько судьбе даю
в позе, скрученной в Кама-сутру, в некий бесполый трактат,
когда день свернут в рифму, в метафоры, в тракт.
Это скучно, пойми, наблюдать каждый день из окна
то, что там за стеклом не видать ни хрена, ребятня

на столе во дворе разрезает гашиш на мои словеса.
Мы посмотрим за небо — посмотрят на нас небеса…
За такою-то болью земной проучим беззубой зоны язык —
это не то что желание петь — но скорее “Шипр” или “Шик”,
от которых не скрыться — под слогом нестрашным дрожит губа
конская неба и — это уже труба.

И было бы странно — если бы помер, как домовёнок ночной,
я (скажем — сегодня, сейчас) и семья пернатая не надо мной
суетилась — над этим коктейлем гремучим из кожи, лимфы, волос —
пока божок, вцепившись в пояс-язык меня, бесплотного, нёс.
Всё чаще мои стихи напоминают донос на себя — потому
перевожу себя, как облака сталактитовый Харон по дну,

на общий язык, в дырке кармана лелея не страх — пустоту.
И, только когда совсем пересохнет во рту,
я уровняю шансы свои с з/к —
когда посмотрю в бессловесные облака,
что лакают наши тени тёмной водой —
пока эта местность падает в зрение мной.

* * *

и если что оставалось так это чай — на донышке кружки — пропитанный алюминием
или
ты меня слышишь или так темнота каждую ночь спит с нами — чтобы иней
не трогал лица — “какойподлец” не скажу — легионер возвращается в дом побитой
собакой с чужбины
порежешь речь — порежешь восток на восход и закат — китайская флейта Конфуция
не понимает —
а он продолжает молчать потому что молчать приятно особенно в одиночестве
и за чаем —
и он наблюдает — как в снег опускаясь — колибри тает
и в нашем колхозе — опять недобор — хоть бы в рекрут податься и только дивчина
удержит —
мы граждане мира а прочее все килогерцы и расстоянье дурное время не стерпит
и на обратной странице — гнездо совьют черти
половина друзей обитает теперь в океане и чаем такую пургу не размажешь
и гадаешь пять лет на заварке — поскольку не в рифму отсюда дороги ведут —
просыпаешься в саже
в землянке в окопной войне в землянике своё пребыванье продляешь
и проходит сто лет и седьмица и пасха с нирваной и порваны брюки
и видишь как там в темноте воют бледные суки
и как пробивается пульс через бледные руки
какой-то нездешний варяг распластался душой (хм!) по телу гипербореи —

поверишь ли больно и сводит скулы от вспоминания веры
мы все пропадаем в Тартаре когда станет скучно от незыблемой меры
в смысле — жизни и арапчонок спешит не к бумаге а в карты проигрываться — а потом
писать Онегина чтобы снова играть до дуэли схрон
уводит тебя туда где скрученный в кокон Хрон
и всё больше — греков — всё меньше греческого языка
я напишу тебе — но потом — а пока
на север — плывут сквозь дым из избы — облака.
Вот и всё. 13 февраля. Пока.

* * *

Намывающий нить из прозрачного льда у реки,
Он стоит, наклонившись холодным глотком, у берёзы.
Он не знает, за что он поставлен на взвод — впереди:
Снег и снег, скрип и скрип, берегов неразмятые грозди.
Намывающий нить — он поставлен в ночи неспроста.
Отделяющий свет от его оборотной обложки —
Он стоит у реки, а верней — у созданья моста,
Собирая на связках её угловатые крошки.
Намывающий нить из дыханья прошедших тот мост —
Он сгорает во тьме ледяного столба и обратно
Не пускает теченье, и если он что-то возьмёт —
То мерцающий ритм неформлённый. Значит — двум кратный.
Намывающий нить слюды — в снег опавших — стрекоз —
Надсекает дамаском пески заордынской гордыни.
Он — хранитель подземных, безглазых, навитых безвременьем гнёзд.
Он сбегает лишь внутрь и на выдохе третьем остынет.
Намывающий нить из — бегущей на месте — реки —
Он державен в частице любого пути, не лишённого сдачи,
Отделяющий тьму или свет от сознанья — стежки
Примеряет к мосту, как немой свои пальцы. Иначе
Говоря, твоей милости, младший мой брат, не намоешь. В горсти
Блекнут камни и в птицах вращаются — утро, взлетая,
Никогда не летит. Рассекающий свет — не стоит
И, когда-то как нефть полыхнув, никогда не сгорает.

* * *

Твёрдое млеко яйца, напоённое желтком,
Порезанное в эмбрионы, в чтение буквы раздельной.
Чёрный, лишённый лица — как вещЪ, введёт в окаём
Твоих сосудов и лимф свой батальон отдельный.
И кисть, отсечённая от плеча сутками и длиной,
Напомнит олигофрену одну из чужих офелий.
Время, лишённое времени своею короткой виной,
Тычет в стекло нос — комариный и белый.
Поворот к повороту — значит, сложится рот,
Выпростанный лица пращою в родины стужу:
Кот рисует в бесцветном замысловатый код
И исчезает — рождённой строке, больше, чем век, не нужен.
Сузится в тьму зима. Или в левкой — язык.
Бездарь войдёт — и придёт время назад войти.
Где бы я ни ожил — со мною пребудет зык,
блазнящий красивое “Я” — в ответ на моё “Дык-Тык”.

Кыштымский немой

Ты по-новой исследуешь своё тело — тоже мне, знаешь ли, капитан Немо:
На четверть немой, вполовину глухой и смертный —
Там, где есть кожа — нам ничего не светит.
Говори со мной — пойми, за тобою слово,
Заслоняешь его портвейном,
Слышишь, как снег засовом закрывает твои (запечатывает) эти речи
В самой мёртвой, но не словарной печи.
Мы с тобою плывём среди нефти и нафталина.
Смерть не длиннее жизни — твоего же сына.
Я иду по дороге в Касли из Кыштыма — дымом
Больше не пью.
Не вижу.
Пробитый клином.
Я по новой и верной себе испытатель — глубже больше некуда.
Грунт. И у земли есть потребность кушать —
Ешь же меня: Тебе повезло — Есть ужин.
Я же буду тебя наблюдать.
И слушать.